

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Тема данной статьи относится к отрасли языкознания, за которой закрепилось название «сопоставительное (контрастивное) языкознание». Контрастивные исследования помогают не только глубже изучить законы, управляющие процессами внутри языковых систем, но и усовершенствовать систему преподавания иностранных языков. Сопоставление определенных языковых явлений позволяет разработать такой способ подачи материала обучаемым, при котором они могли бы опираться на существующие в родном языке аналогии, и, наоборот, четко разграничить отличия между особенностями изучаемого явления в родном и иностранном языках. Поэтому контрастивная лингвистика является той зоной, где пересекаются пути теории и практики. Особое значение для усовершенствования методики преподавания иностранного языка имеют контрастивные исследования в области категориальных значений языка.

В данной работе мы проанализируем, как проявляет себя категория числа имен существительных в русском и немецком языках в различных лексико-семантических группах.

Языковая категория числа не тождественна в различных языках. Одно и то же количество может выражаться по-разному не только в разных языковых системах, но и внутри отдельно взятой системы.

Категория числа позволяет охарактеризовать упоминаемые в речи предметы и явления в количественном отношении. Чаще всего мы видим её проявление в разграничении *единственного и множественного числа*.

Категория числа в русском и немецком языках имеется у многих частей речи. Однако у существительных число по своей природе и функциям в корне отличается от категории числа прилагательного или глагола. Так, например, число у глагола согласуется с числом существительного в предложении (*Das Kind schläft – Die Kinder schlafen; Ребенок спит – Дети спят*), то есть обладает синсемантическим значением и выполняет семантическую функцию. Число прилагательных, местоимений и порядковых числительных также зависит от числа существительного в словосочетании (*alter Mann – alte Leute; пожилой человек – пожилые люди*), являясь синсемантическим средством согласования. У существительного же, напротив, число автосеманлично, не зависит от синтаксических связей.

Данная тема лишь на первый взгляд представляется достаточно прозрачной. При более тщательном рассмотрении категории числа уже простейший анализ наиболее типичных факторов показывает, что параллелизм реальных различий в числе и соответствующих грамматических явлениях существенно нарушается. Это значит, что хотя каждое существительное имеет хотя бы одну форму, обычно соответствующую типу структуры единственного или множественного числа, фактически не все имена существительные обладают категорией числа. При этом, однако, наличие одной лишь

формы не всегда является признаком данной категории. Одной из основных причин чаще всего считают сопротивление лексического материала грамматической форме, которое, в свою очередь, обусловлено разным соотношением обозначаемых объектов в реальной действительности. Причем, как отмечает Р.А. Будагов, явление это универсально, ибо «...не существует языков, в которых механизм выражения категории числа так или иначе не находился бы в зависимости от различных лексических групп, через посредство которых этот механизм действует».

Семантически категория числа в русском и немецком языках очень близка: форма единственного числа указывает на то, что предмет представлен в одном экземпляре, а форма множественного числа – на некоторое неединичное множество предметов, что и составляет соответственно категориальные значения данных форм. Но это – идеальный случай. При более глубоком рассмотрении неизбежно возникает вопрос о том, всегда ли данные формы передают присущее им категориальное значение, и чем обусловлены имеющиеся отклонения.

Необходимо иметь в виду, что решение вопроса о том, что считать одним объектом, а что более чем одним объектом в значительной степени определяется лексической структурой конкретных языков. К примеру, немецкое слово *Kartoffel* является счетным числительным, так как может выражать множественность (*Er hat zwei Kartoffeln gegessen*), в то время как в русском языке слово *картофель* в единственном числе может использоваться как вещественное (*Она сварила картофель*) для обозначения некоторого количества данного продукта, насчитывающего более чем одну картофелину. То же относится к словам *die Rübe – die Rüben* (пена), *die Möhre – die Möhren* (морковь). Подобных примеров можно привести множество.

Для применения методов контрастивного анализа категории числа в русском и немецком языках целесообразно воспользоваться общепринятой семантической классификацией имен существительных. Это деление очень удобно, так как позволяет систематизировать многочисленный класс существительных, учитывая их семантическое значение, которое в большинстве случаев тесно связано, а иногда и мотивирует грамматическое.

Все существительные как в русском, так и в немецком языках, традиционно делятся грамматистами на две большие группы – **конкретные** (Konkreta) и **абстрактные**, или **отвлеченные** (Abstrakta). Имена конкретные, в свою очередь, подразделяются на:

- **имена нарицательные** (*Gattungsnamen*) – названия однородных лиц, животных, вещей;
- **имена собирательные** (*Sammelnamen*) – обозначение в форме единственного числа совокупности однородных предметов;
- **имена вещественные** (*Stoffnamen*) – обозначения веществ;
- **имена собственные** (*Eigennamen*) – обозначение отдельных лиц и предметов, отличающее данные предметы или лица от других однородных предметов.

Рассмотрим подробнее употребление форм множественного и единственного числа в рамках данных типов существительных в немецком языке.

Наибольшая мотивированность рассматриваемой категории, как в русском, так и в немецком языках наблюдается у имен существительных конкретных нарицательных, поскольку здесь в большинстве случаев она служит для выражения противопоставления «один предмет – много предметов». Это существительные, обозначающие отдельные предметы (*das Mädchen, der Berg*; девочка, гора).

Но, рассматривая эту группу существительных более подробно, в обоих сопоставляемых языках мы обнаруживаем случаи отклонений от общих правил. Так, некоторые существительные не имеют форм множественного или единственного числа, другие употребляются преимущественно в одной из них, к тому же у некоторых омонимичных существительных имеются две грамматические формы множественного числа, несущие разную семантическую нагрузку.

Очень редко как в немецком, так и в русском языках мы наблюдаем формы множественного числа существительных, обозначающих отдельные части тела или органы типа *Galle, Kinn, Leber, Milz, Mund, Nabel*. Обосновывая это явление, В. Шмидт обращается к влиянию смысла слова на категорию числа. Ведь обычно у человека только один желчный пузырь (*Galle*), одна селезенка (*Milz*) и один рот (*Mund*) и в общем нет необходимости говорить о нескольких селезенках или ртах одновременно. В то же время В. Юнг указывает, что такие существительные стоят в единственном числе в словосочетаниях, если они понимаются как органы или функции, но они могут иметь как форму единственного, так и множественного числа, если того требует контекст.

Значительная группа имен существительных в русском языке, обозначающих двухчастные или сложные предметы, имеет в русском языке только форму множественного числа, которая служит для обозначения как одного, так и многих предметов. Они относятся к группе существительных, называемой **pluralia tantum**, которая включает также некоторые типы собирательных и вещественных существительных (речь о них пойдет немного позже).

Существительные, называющие предметы, которые состоят из двух или нескольких неразделенных частей, наиболее явно передают основное содержание собирательности (единство в множественности), поскольку части данного предмета не могут существовать отдельно и рассматриваются в целом, как единый предмет, каковым он реально и является (например, ворота, весы, сани, щипцы, тиски, плоскогубцы, колготки, очки, ножницы, брюки, часы, шахматы и тому подобные).

По Смирницкому, это – «внутренняя множественность». Значение единичности в подобных случаях иногда передается с помощью слова «пара», это слово своего рода лексический уточнитель, который приобретает в этом контексте новое, несвойственное ему значение единичности, так как счет предметов ведется по парам. Возможность употребления в разговорной речи формы *двое брюк* представляет собой эллипсис формы *две пары брюк*.

По-русски можно сказать *двое брюк, трое саней, несколько ворот*, но не существует сочетаний «*двое духов*», «*трое хлопот*», «*несколько финансов*».

Существительные данной группы логически сохраняют связь и с множественностью, которая проявляется в синтагматике. Они сочетаются с глаголом-сказуемым в форме множественного числа, а также с числительными. Тем не менее, это не является основанием для утверждения, что число множественности преобладает, так как число слов такого типа определяется контекстом.

Лексический состав данной группы существительных не совпадает в русском и немецком языках. Немецкий язык, хотя и имеет в своем лексическом составе конкретные нарицательные существительные *pluralia tantum*, однако лишь в редких случаях наблюдаются семантические совпадения с русским, как, например, в случае со словами *родители – die Eltern*, каникулы – *die Ferien*, анналы – *die Annalen*. Двухчастные предметы имеют в немецком формы и множественного, и единственного числа: *die Schere – die Scheren* (ножницы); *die Uhr – die Uhren* (часы); *die Brille – die Brillen* (очки). Между тем названия некоторых болезней, в русском имеющих форму только единственного числа, здесь мы находим только во множественном: *die Masern* (корь), *die Pocken* (оспа), *die Röteln* (краснуха).

Иногда нарицательные конкретные существительные как в немецком, так и в русском языках могут употребляться в форме единственного числа, при этом фактически передавая значение множественности, т.е. называя целый класс подобных предметов или явлений: *Der Hund ist ein Haustier*. (Собака – домашнее животное). Это – генерализация нарицательных существительных. В данном случае форма единственного числа развивает обобщенное, отвлеченное значение с оттенком собирательности и указывает на само существо предмета в отвлечении от всех других его параметров.

При рассмотрении категории числа в системе существительных в сопоставляемых языках нельзя обойти молчанием **собирательные существительные**. Значение собирательности колеблется между единичностью и множественностью, и семантически она близка к неисчисляемости. В современной лингвистике остается в ряде отношений спорным вопрос о системном и функциональном аспектах категории собирательности, о границах группы собирательных существительных в разных языках из-за разнородного подхода к исследованию этого разряда языковых единиц.

Способы и формы языковой номинации собирательности весьма разнообразны. Объединяя разноуровневые элементы языка, обладающие общими семантическими признаками и взаимодействующие друг с другом, средства языковой репрезентации категории собирательности формируют функционально-семантическое микрополе собирательности. При этом собирательность понимается как функционально-семантическая категория, критерием выделения которой является общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней, наличие известного семантического инварианта в дифференциальных семантических признаках этих элементов. Данное поле невелико по объему и представлено

конституентами только двух уровней: лексического (именами существительными) и морфемного (словообразовательными морфемами). Эти особенности поля связаны с его узкой смысловой направленностью и с переходным характером между двумя большими микрополями в составе макрополя количественности.

Собирательные существительные имеют в своем лексическом значении сему множественности. Слова такого рода издавна рассматривались как выступающие в форме единственного числа обозначения множеств. Вместе с тем им присуще грамматическое значение единичности. Характеризуя собирательные существительные, А. А. Реформатский говорит о грамматическом парадоксе, состоящем, по его мнению, в том, что значение множественности передается формой единственного числа: "С точки зрения соотношения языка и мышления это один из самых загадочных парадоксов: как же множественное передается через единственное?"

Основу категориального значения собирательности создают как сами факты действительности, так и особый взгляд на них человека. Преобразованные механизмом номинации языка представления о разрозненных множественных предметах или явлениях могут восприниматься как совокупности, существующие в денотативной сфере, а сами имена этого типа отражают определенные объединения предметов. В генезисе таких имен внутренне ощущается связь категорий единичности (в аспекте объединенности) и множественности, составляющая опору их понятийного стержня.

Выполняя функцию номинации множества как единого целого, собирательные имена представляют особый способ выражения множественности, соответствующий конкретному осмыслению количественных отношений.

Семантику категории собирательности следует рассматривать, прежде всего, с точки зрения выражения ею различных количественных признаков.

Энциклопедия "Die Deutsche Sprache" определяет имена собирательные следующим образом: «Собирательные имена обозначают группу как целое, не указывая на отдельный экземпляр».

Как в русском, так и в немецком языках имеются некоторые морфологические признаки ряда имен собирательных, которые выражаются в словообразовательных суффиксах. В русском языке собирательные существительные образуются с помощью суффиксов -е, -ник, -няк, -отво, -ура, -щина, -ора, -ва, -ба, -ця, -ота, -ия: *начальство*, *малинник*, *листва*, *живность*, *братия*, *детвора* и т. п.

Некоторые собирательные имена не имеют морфологических признаков: *народ*

В немецком языке собирательные существительные образуются с помощью суффиксов *-heit*, *-um*, *-tum*, *-schaft*, *-ei*, *-volk*, *-werk*, *-ling*, *-zeug*: *Menschheit*, *Freundschaft*, *Bevölkerung*, *Nähzeug*, *Schuhwerk*, *Gaffvolk*.

Собирательные имена также часто образуются с помощью префикса *ge-*, иногда при этом добавляется суффикс *-e*: *Gedränge*, *Gequieke*.

Некоторые имена собирательные немецкого языка также не имеют морфологических признаков: *das Vieh*

В обоих языках форма единственного числа нарицательных имен, обозначающих растения и животных, довольно часто употребляется в собирательном значении, так называемая синекдоха, в таких случаях единственное число синонимично собирательному имени:

Лист сухой валится,

Ночью ветер злится

Да стучит в окно. (Родная природа).

Я и пчелой проживу. Я от пчелы хозяином стал (Марков).

Ihr wisst doch selber, dass es ein besseres Korn gibt, wenn das Getreide sich schon von dem Schnee bestockt. (Strittmatter)

В русском языке также встречаются примеры, когда одно и то же слово употребляется в собирательном и в нарицательном значении и в зависимости от этого имеет разные формы числа.

В августе в Балагачеву прибыло несколько подвод с железным инструментом и ящиками с провиантом... (Марков).

Железные инструменты, ящики с провиантом покатались на борт (Марков).

Семантическая емкость собирательных существительных настолько многокомпонентна, что возможно их использование в такой ситуации, когда выбор того или иного значения обусловлен большим разнообразием факторов.

Часто употребление форм единственного и множественного числа собирательных не совпадает в русском и немецком языках:

das Geld – деньги

das Haar – волосы

das Gemüse – овощи

das Getreide – злаки

das Gefilde - поля

Функционально-семантическая категория собирательности реализуется, с одной стороны, в общезначимых вариантах, а с другой - в таких вариантах, которые составляют специфику данного языка. Поэтому семантическое содержание категории собирательности в том или ином языке разнороден. В составляющих этот план системах дифференциальных признаков и их вариантов переплетаются универсальные и специфические для данного языка элементы.

В формах языковой репрезентации понятия собирательности в русском и немецком языках мы прослеживаем неоднородные квантитативы.

В основе явлений типологического характера, свойственных собирательным именам, лежит "развитие в языках общей или близкой семантики, а также - уже за пределами собственно языков - распространение одних и тех же понятий и концепций. Многоязычные ряды переводных эквивалентов возникают, прежде всего, в ходе контактов языков, но нельзя недооценивать и независимое от контактов сближение культур, интернационализацию всех форм современной жизни" [Акуленко В. В.].

Имена абстрактные или **отвлеченные** представляют в опредмеченном виде названия качеств, действий, состояний, названия наук, отрезков времени и тому подобного. Они обозначают такие понятия, которые нельзя соотнести с конкретными предметами или явлениями, представляя названия качеств, действий, состояний, названия наук, отрезков времени и т.д. Они не образуют соотносительных форм числа, имея только грамматическую форму единственного числа, то есть относятся к группе имен существительных *singularia tantum*, в том случае, если являются понятием, не ограниченным временными или пространственными рамками. Например: *Liebe, Treue, Durst, Hunger, Achtung, Kälte, Wärme, Schlaf, Armut*; любовь, верность, жажда, голод, внимание, бедность. Но: *die Höflichkeit – die Höflichkeiten* (вежливые формы), *die Schönheit – die Schönheiten* (красоты, достопримечательности, а также красивые женщины); красоты, времена.

В ряде случаев форма множественного числа абстрактных существительных способна передавать значение усиления, «большей экспрессии, сгущения представления» (см. Гулыга, Шендельс), например, в немецком *die Lüfte, die Winde, die Nebel, die Schmerzen, die Ängste* и в русском: морозы, снега, ветры, страхи, боли, туманы.

Более очевидные и в целом более регулярные случаи представляет собой своеобразная «конкретизация» абстрактных имен существительных при образовании от них множественного числа. Так, форма множественного числа абстрактных существительных обычно обозначает конкретные предметоносители или проявления называемого абстрактным именем признака, например: нем. *Plastiken* (скульптурные произведения), *Kritiken* (критические замечания), рус. свободы, вольности.

Таким образом, развитие форм множественного числа у абстрактных как в русском, так и в немецком языках возможно, главным образом, на пути конкретизации абстрактных значений, которая может достигаться в результате соотнесенности абстрактного действия или качества с каким-либо конкретным предметом, событием и перенесением абстрактного понятия на конкретный предмет.

В обоих сопоставляемых языках существуют, однако, и такие абстрактные существительные, которые имеют только форму множественного числа, т.е. относятся к группе *pluralia tantum*. При этом лексический состав абстрактных *singularia* и *pluralia tantum* в русском и немецком языках не совпадает. Например:

Они были отчетливо видны в сгущающихся ранних сумерках. (Полевой). – *pluralia tantum*

Bei anbrechender Dunkelheit hing ein Achtel Mond überm Wald. (Strittmatter) – *singularia tantum*.

Уже в древневерхненемецком и средневерхненемецком языке встречаются абстрактные существительные во множественном числе. Застывшие остатки этого явления сохранились и в современных выражениях: *in Ehren, mit Freuden, in Gnaden* и т. п.

Особую группу в обоих сопоставляемых языках образуют **вещественные** имена существительные, которые обозначают какую-либо массу или материалы и которые чужды самой идее счета в силу того, что обозначаемые ими денотаты практически всегда недискретны, а при измерении их количества оперируют понятием величины, а не числа.

Для подобных измерений в реальной действительности привлекаются самостоятельные физические тела – чашки, бутылки, мешки, вагоны и т. п., содержащие одну дозу вещества. Это процесс дозификации. Могут исчисляться части данной субстанции, полученные в результате её расчленения на куски, бруски и т. п., причем недискретное вещество в этом случае искусственно делается дискретным.

В русском языке на определенную часть вещества может указывать употребление родительного падежа: *Вавилов молча взял кувшин и выпил молока*. (Проскурин). В немецком эту функцию иногда выполняет определенный артикль: *Aber er hätte sich denken müssen... dass dieMilch für Berndt bestimmt war...*

Форма единственного числа является основной, номинативной для данной группы слов в обоих языках. Хотя в русском языке мы наблюдаем несколько имен вещественных, для которых форма множественного числа является основной и единственной. Они относятся к группе существительных *pluralia tantum*: *белила, дрожжи, духи, чернила*.

Как в русском, так и в немецком языках имена вещественные могут развивать нарицательные значения, связанные с указанием разновидности вещества, в результате чего слово в новом значении может образовывать форму множественного числа.

А. А. Шахматов считает, что выражение оттенка качественной разнородности у вещественных имен существительных связано с конкретизацией и индивидуализацией предметов, которые в этом случае могут мыслиться не в сплошной массе, а выделяться в особые виды. Форма множественного числа и обозначает эту качественную неоднородность. Определенный интерес представляют случаи, когда между лексемами, на первый взгляд, можно усмотреть противопоставление по числу. В действительности же здесь наблюдаются другие соотношения, когда разделение по принципу неисчисляемости – исчисляемости происходит не между словами, а между лексико-семантическими вариантами одного (в целом неисчисляемого) слова.

Так, в немецком языке некоторые имена вещественные образуют форму множественного числа с помощью слов *-sorten, -arten*: *Mehlsorten, Getreidearten*. Если речь идет о различных видах, сортах вещества, то некоторые имена вещественные также стоят во множественном числе: *Schließlich führte Jacques sie durch die Raffinerie, wo die Benzine, Benzole, leichten und schweren Öle destilliert wurden*. (Kellermann).

В специальной литературе мы также часто можем встретить форму множественного числа у подобных слов. Например: *Fette* (жиры), *Öle* (масла), *Hölzer* (сорта древесины).

Имена собственные как в русском, так и в немецком языках, обычно не имеют соотносительных форм числа. Во многом это связано с их лексическим значением (обозначение отдельных лиц и предметов, отличающее данные предметы (или лица) от других однородных предметов). Основная форма имен собственных – единственное число, употребление которого основано на значении единичности и которое служит для выражения их индивидуализирующего значения.

Лексический состав данной группы в обоих языках идентичен: Anna – Анна, Deutschland – Германия, Odessa – Одесса, Puschkin – Пушкин и т.п. Но если речь идет о нескольких носителях одного и того же имени (развитие нарицательного значения), о семье, роде или об употреблении родового имени, то имена собственные могут стоять в форме множественного числа: die Buddenbrocks – Будденброки, die Peter – Петеры. При этом только в единственном числе стоят существительные, обозначающие лица и имена, единственные в своем роде, неповторимые. Например, для христиан это Gott – Бог, Christus – Христос, Bibel – Библия.

К именам собственным в данном случае тесно примыкают нарицательные, обозначающие предметы, единственные в своем роде: die Sonne – солнце, der Mond – луна и т.п. Такие слова при употреблении их в своем прямом значении не имеют формы множественного числа. Однако, в переносном смысле употребление множественного числа вполне возможно:

*Два солнца стынут –
О, Господи, пощади!
Одно на небе, другое –
В моей груди.
(М. Цветаева)*

Географические названия не имеют соотносительных форм числа. Большинство из них стоит в единственном числе, некоторые имеют форму только множественного, в основном среди них названия горных цепей и островов, передающие значение реальной множественности: die Alpen – Альпы, die Anden – Анды, die Karpaten – Карпаты, die Pyrenäen – Пиренеи, die Bermudas – Бермудские острова. Встречаются также существительные, оформленные множественным числом, которые передают реальное значение единичности: die Niderlande – Нидерланды.

Итак, в категории числа имени существительного в русском и немецком языках действуют в основном одни и те же закономерности, что свидетельствует об универсализме данной категории, о её связи с логическим мышлением.

Это объективная категория, поэтому даже в таких разносистемных языках, как русский и немецкий, грамматическое число имеет много общего. Чтобы подтвердить это положение, достаточно перечислить группы русских существительных, которым чужда идея счета, и сопоставить их с немецкими эквивалентами: названия веществ и материалов (вещественные), собиратель-

ные существительные, имена собственные, имена абстрактные. У всех этих существительных отсутствует оппозиция по числу «единичность – множественность».

Подтверждениями сходства в системах выражения категории числа в русском и немецком языках являются также разделение всех существительных на исчисляемые и неисчисляемые, явление генерализации, наличие в обоих языках групп существительных *pluralia* и *singularia tantum*, а также само содержание грамматической категории числа, составляющее оппозицию «один предмет – больше, чем один предмет».

Очевидно, что форма числа далеко не всегда передает присущее ей категориальное значение, то есть план выражения прямо не соответствует плану содержания. Явление это, как явствует из вышеизложенного, универсально, что, по-видимому, обусловлено сложным процессом отражения в мышлении человека антропоцентрической картины мира.

Основные различия в категории числа в русском и немецком языках заключены в формальных средствах выражения значения числа и в лексическом составе групп, имеющих то или иное отношение к числу.

Литература

1. Адмони В. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка. М., «Просвещение», 1986.
2. Актуальные проблемы сравнительного языкознания. Сборник научных трудов. Выпуск 328. Москва, 1989.
3. Акуленко В.В. Категория количества в современных европейских языках. Киев, «Наукова Думка», 1990.
4. Арсеньева М.Г. и др. Грамматика немецкого языка. М., 1962.
5. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1947
6. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981.
7. Walter Jung. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1967

УДК 338.48

© М.А. Морозова

УПРАВЛЕНИЕ ДОХОДНОСТЬЮ СЕТЕВОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

Менеджмент доходности – это сложная и многогранная управленческая техника, в рамках которой находится большое количество концепций, моделей и стратегий. Среди отдельных аспектов менеджмента доходности можно выделить: политику определения оптимальной структуры цен, проблему ребронирования, политику скрытой цены или явной цены, вопрос максимально точного прогнозирования, проблемы поведения потребителей в различных ситуациях, их реакции на ценовое предложение. Для создания эффективного инструментария управления доходностью анализируют сущность